

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
3 February 2023
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции в отношении
сообщения № 999/2020* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	Мохамедом Бани (представлен адвокатом Ольфой Улед)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата сообщения:</i>	14 апреля 2020 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 15 апреля 2020 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	2 ноября 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки во время содержания под стражей
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания; меры для предупреждения актов пыток; систематический надзор за условиями содержания под стражей и обращением с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на возмещение
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16

* Принято Комитетом на его семьдесят пятой сессии (31 октября — 25 ноября 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения участвовали следующие члены Комитета: Тодд Бакуолд, Клауд Эльер, Эрдоган Ишджан, Лю Хуавэнь, Маэда Наоко, Илвия Пуце, Ана Раку, Себастьян Тузе и Бахтияр Тузмухамедов. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Абдерразак Руван в рассмотрении настоящего сообщения не участвовал.

1.1 Заявителем является Мохамед Бани, гражданин Марокко 1969 года рождения, уроженец Западной Сахары. Он утверждает, что государство-участник нарушило статьи 1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции. Государство-участник сделало заявление по статье 22 (пункт 1) Конвенции 19 октября 2006 года. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 15 апреля 2020 года в соответствии с правилом 114 (пункт 1) своих правил процедуры и с учетом информации, представленной заявителем, Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник: а) незамедлительно прекратить изоляцию заявителя, содержащегося под стражей в тюрьме Айт-Меллул 2; и б) разрешить заявителю пройти осмотр у врача.

Факты в изложении заявителя

2.1 Начиная с 9 октября 2010 года тысячи сахарцев, проживающих в Западной Сахаре, покинули свои дома и переехали во временные лагеря, расположенные на окраинах городов, в том числе в лагерь Гдейм Изик вблизи Эль-Аюна. Эта акция была направлена на то, чтобы заявить об экономической и социальной дискриминации, которой, как считают сахарцы, они подвергаются со стороны государства-участника. Истец не принимал участия в создании лагеря, но переехал туда со своей семьей с 15 октября 2010 года. Каждые выходные он приезжал в лагерь из Эль-Аюна, где он работал с 1 октября 1993 года в качестве сотрудника Министерства оборудования, транспорта и логистики.

2.2 8 ноября 2010 года военнослужащие марокканской армии, вооруженные водометами и слезоточивым газом, напали на лагерь Гдейм Изик, в котором на тот момент проживало более 20 000 сахарцев. Во время принудительной эвакуации лагеря начались столкновения между армией и сахарскими манифестантами, в ходе которых, по сообщениям, были убиты несколько марокканских солдат. Это спровоцировало волну жестоких репрессий со стороны марокканских сил безопасности при поддержке марокканских гражданских лиц, проживающих на сахарской территории.

2.3 8 ноября 2010 года истец находился в лагере, когда началось его уничтожение. Заявитель, которого нападение вооруженных сил и королевской жандармерии на лагерь застало врасплох, добрался до своей машины и попытался забрать свою семью. В этот момент военнослужащие стали бросать в него камни, один из которых попал в лобовое стекло, а другой — прямо ему в голову. Он упал без сознания. Когда заявитель пришел в себя, он находился в грузовике, лежа на животе, в наручниках, в окружении военных. Когда он попросил помочь ему сесть, жандарм с силой толкнул его ногой. В кузове грузовика находились еще шесть человек, которых он не знал, и которые, как и он, подверглись бесчеловечному обращению.

2.4 Представители вооруженных сил доставили заявителя и других людей в главный штаб Королевской жандармерии в Эль-Аюне, куда они прибыли между 11 ч 00 мин и полуднем. Жандармы извлекли заявителя из машины варварским способом, жестоко избивая его. При входе в жандармерию ему пришлось пройти босиком по битому стеклу, в результате чего на подошве стопы у него появились глубокие порезы. Затем его отвели в комнату площадью около 15 квадратных метров, где его ударили палкой по левой ноге. Примерно через 30 минут сотрудники жандармерии начали жестоко избивать задержанных и завязывать им глаза.

2.5 Затем заявителя допросили. Его поставили лицом к стене и снова подвергли пыткам. Он получил удар в затылок, что привело к обильному кровотечению и потере сознания. Затем трое сотрудников повалили его на землю, схватили за ноги и положили ступни на стул. Затем они раздвинули ему ноги и начали сильно бить его различными предметами. Впоследствии те же сотрудники положили голову заявителя под стул и поочередно наносили ему сильные удары по спине пластиковыми дубинками. После этого заявителя бросили в крошечную комнату без света, со многими другими заключенными, где он не мог даже вытянуть ноги, испытывая боли в спине. У него сильно кровоточила голова и многочисленные открытые раны,

в частности на левом колене и ноге. Все заключенные мучились и стонали от перенесенных пыток.

2.6 В ночь с 8 на 9 ноября 2010 года заявителя увезли на грузовике, а затем перевезли в военный госпиталь. Он всегда находился с завязанными глазами. Его избивали, пытали, оскорбляли и оплевывали жандармы и даже некоторые медсестры. Его били ногами по пояснице и нижним конечностям. Затем медсестры обработали его раны без анестезии — что было очень болезненно — и наложили швы на раны на лбу и на левой брови. Затем ему сделали внутривенную инъекцию с внутренней стороны предплечья на уровне правого локтя и дали таблетку белого цвета. Затем заявитель был снова переведен в королевскую жандармерию в Эль-Аюне вместе с десятком других задержанных. Его продолжали избивать и пытаться. Его не выпускали в туалет. Более того, его обливали грязной водой и мочой. Ему не давали ни еды, ни воды, и лишали сна.

2.7 Утром 9 ноября 2010 года сотрудники жандармерии вновь допросили заявителя, также под пытками. Ему завязали глаза, а руки пристегнули наручниками к столу. Затем его отвели в другой кабинет, где его заставили лечь на пол лицом вниз. В течение примерно двадцати минут его били тупым предметом по спине, причиняя ему сильную боль. Затем один из жандармов повалил его на землю и ударил ногой по ягодицам. От него требовали сообщить имена его родителей, адрес, уровень образования и место работы. Ему также задавали вопросы об условиях жизни в лагере и его военном прошлом. Заявитель не подписывал никаких протоколов и не делал никаких признаний, вопреки тому, что указано в протоколе от 8 ноября 2010 года.

2.8 После допроса заявителя вывели в коридор. Пришли жандармы, которые потребовали от задержанных встать лицом к стене. Их начали избивать, жестоко оскорбляя. Когда один из них попросил отвести его в туалет, его жестоко избили и приказали ему справить нужду под себя. Жандармы обливали заключенных грязной водой и мочой.

2.9 10 ноября 2010 года состоялся новый допрос, на этот раз в Управлении территориальной безопасности. На заявителе не было штанов, он не ел и не пил в течение двух дней. Он был изнасилован жандармами. В тот же день, во второй половине дня, истцу наконец-то дали немного еды: кусок хлеба и бутылку воды, которой он должен был поделиться с тремя другими заключенными. Это был первый раз после ареста, когда ему дали поесть. Однако, поскольку заключенным не разрешалось выходить в туалет или передвигаться, не будучи жестоко избитыми, заявитель отказывался есть и пить. Сотрудники продолжали пытать задержанных, включая заявителя. Их продолжали обливать холодной водой и мочой.

2.10 11 ноября 2010 года для лечения самых тяжелых случаев были приглашены медсестры, и заявителю также была оказана помощь. В тот же день возобновились допросы. Заявитель по-прежнему находился в наручниках с завязанными глазами. Затем его заставили подписать документы, которые он не мог прочитать сам и которые ему не зачитали жандармы, и поставить на них свои отпечатки пальцев. Вопреки тому, что указано в протоколе жандармерии от 8 ноября 2010 года, он никогда не признавался в совершении какого-либо преступления.

2.11 В ночь с 11 на 12 ноября 2010 года заявителя в наручниках и с завязанными глазами доставили в суд первой инстанции Эль-Аюна. Вместе с другими проходящими по данному делу обвиняемыми он был вынужден подписывать документы, которые не имел возможности прочитать. Затем судебная полиция представила военному следственному судье протокол допроса с записью предполагаемых признаний, который заявитель, как и другие обвиняемые по делу, не имели возможности прочитать и впоследствии неоднократно отрицали. После подписания этих документов заявителя и других задержанных вернули в жандармерию. Ни заявитель, ни другие задержанные, которые были переведены вместе с ним в военный суд Рабата на следующий день, в тот вечер не видели судью в суде Эль-Аюна.

2.12 12 ноября 2010 года примерно в 17 ч 00 мин заявитель был перевезен в аэропорт в бесчеловечных и унижающих достоинство условиях вместе с другими задержанными. Обычные наручники были заменены на пластиковые, которые

причиняли ему сильную боль и которые жандармы отказывались ослабить. Заявитель по-прежнему находился с завязанными глазами. Затем его погрузили в самолет, вылетающий в Рабат, и в течение всего полета он лежал на полу и не мог двигаться. Его также неоднократно били ногами по голове и ногам. После прибытия истец был доставлен в военный суд. Там ему пришлось долго ждать в присутствии жандармов, которые оскорбляли его, затягивали наручники и не позволяли ему сходить в туалет. После этого ожидания в условиях давления и насилия со стороны жандармов, заявителя первым насильно потащили за руки в кабинет следственного судьи. Только в этот момент с него были сняты наручники и повязка, закрывавшая глаза. Целью его доставки в суд было подтверждение его личности и зачитывание предъявленных ему обвинений. Когда заявитель попросил судью обратить внимание на отчетливо видимые следы пыток на его теле, судья отказался, заявив, что он «не врач». Слушание длилось всего несколько минут, в ходе которого судья ограничился тем, что представил обвинительное заключение. Заявитель отказался его подписать.

2.13 Затем заявитель был переведен в тюрьму Сале 2, даже не зная об этом. Ему пришлось ждать 29 дней, прежде чем его семья, которой так и не сообщили о его аресте и переводе, смогла навестить его¹. Он смог снова увидеть свою семью только спустя месяц, когда его подробно допросил следственный судья, и только тогда он узнал, что его отец и тесть умерли. Заявитель и другие обвиняемые по тому же делу содержались под стражей в негуманных условиях. Они провели ночь, прикованные наручниками к большой двери с железными прутьями, сначала стоя в течение трех часов, затем лежа на полу. Охранники пинали и оскорбляли их каждый раз, когда они пытались изменить положение. На следующий день заявителю выдали тюремную форму, снова завязали глаза и отвели в одиночную камеру. Он был обязан постоянно носить тюремную одежду и мог переодеться только во время посещения родственников или адвоката. Заявитель постоянно менял камеры; иногда его помещали в одиночную камеру, иногда подсажали к другим заключенным. Почти месяц он провел в полной изоляции.

2.14 Через три месяца, после первой голодовки, заявителю и другим обвиняемым по тому же делу разрешили выходить в коридор на пять минут два или три раза в неделю по очереди, чтобы они не могли встречаться. Семейные посещения проходили в комнате свиданий один раз в неделю в течение не более десяти минут. Для того чтобы увидеться с ним, его семье приходилось каждый раз преодолевать 1200 километров. В связи с ужасающими общими условиями содержания заключенных из лагеря Гдейм Изик они начали голодовку.

2.15 Судебный процесс над заявителем и другими проходящими по данному делу обвиняемыми состоялся 1 февраля и 8–16 февраля 2013 года в Рабате. 15 февраля 2013 года военный суд Рабата отклонил ходатайство^{2, 3}, о расследовании актов пыток.

¹ Семья заявителя и его адвокат не были официально проинформированы о его аресте или заключении под стражу в тюрьме Сале 2. Они узнали об этом от родственников других заключенных, которые также были переведены в эту тюрьму.

² Суд счел, что обвиняемые имели возможность подать такое ходатайство в ходе предварительного расследования, однако они пренебрегли этим, и что между судебным разбирательством и предварительным расследованием прошло много времени.

³ В своих письменных возражениях, направленных в военный суд 31 января 2013 года, адвокат заявителя обратила внимание на тот факт, что признательные показания были подписаны обвиняемыми под пытками в нарушение статьи 22 Конституции и статьи 293 Уголовно-процессуального кодекса. Суд оставил их без внимания. Впоследствии, в ходе заседания, состоявшегося 8 февраля 2013 года, адвокат обратила внимание на тот факт, что следственный судья военного суда не распорядился о проведении медицинского освидетельствования кого-либо из обвиняемых, даже несмотря на то, что на теле некоторых из них имелись следы насилия. Адвокаты других обвиняемых выступили с такими же жалобами на действия следственного судьи. В своем временном постановлении от 8 февраля 2013 года военный суд зафиксировал утверждения обвиняемых о применении к ним пыток, но не принял никаких мер. Ни военный суд, ни прокурор не отреагировали на эти утверждения о пытках, отказавшись проводить расследование. В своем докладе от 4 августа 2014 года, после встречи с 22 заключенными, которые были осуждены в связи с закрытием лагеря Гдейм Изик, Рабочая группа по произвольным задержаниям «с обеспокоенностью отмечает, что утверждения о

17 февраля 2013 года заявитель был приговорен к пожизненному заключению (на основании предполагаемых признательных показаний, правдивость которых он оспаривал, поскольку они были получены под пытками) за принадлежность к преступной группе и насильственные действия, повлекшие за собой преднамеренное убийство сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих обязанностей.

2.16 После этого судебного разбирательства несколько международных организаций указали на отсутствие доказательств и на то, что не было проведено эффективного расследования утверждений о применении пыток. Заявитель сам инициировал несколько голодовок, протестуя против несправедливого характера процедуры и отсутствия слушаний в Кассационном суде, в который была подана апелляция.

2.17 27 июля 2016 года Кассационный суд отменил решение военного суда⁴ и передал дело в Апелляционный суд Рабата⁵. Новое судебное разбирательство началось 26 декабря 2016 года. На применение пыток адвокаты и обвиняемые указывали с самого начала нового судебного процесса. На протяжении всего судебного разбирательства все обвиняемые несколько раз обращались к Апелляционному суду с ходатайством аннулировать протоколы, подписанные под пытками, и изъять их из материалов дел⁶. 25 января 2017 года, т. е. спустя более шести лет после рассматриваемых событий, Председатель Апелляционного суда согласился на то, чтобы обвиняемые прошли судебно-медицинское освидетельствование. Однако освидетельствование обвиняемых было поручено трем марокканским судмедэкспертам, не знакомым с положениями Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) и не предоставившим достаточных гарантий независимости. Заявитель согласился пройти эту экспертизу⁷, по итогам которой было установлено, что симптомы, представленные им и еще 15 обвиняемыми по тому же делу, и объективные данные медицинского обследования не характерны для различных предполагаемых методов пыток.

2.18 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата оставил в силе пожизненный приговор заявителю, не проведя никакого расследования пыток, которым он подвергся, несмотря на то что заявитель неоднократно заявлял о том, что стал жертвой подобного обращения. 29 сентября 2017 года заявитель подал кассационную жалобу, которая была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года.

2.19 16 сентября 2017 года заявитель был переведен из тюрьмы Эль-Аржат в тюрьму Айт-Меллул 2. Его семья и адвокаты не были проинформированы об этом переводе, и заявитель не смог забрать с собой свои вещи. Во время перевода он подвергся жестокому обращению.

2.20 Несколько раз в сентябре, октябре и ноябре 2017 года заявитель и другие обвиняемые по тому же делу объявляли голодовку, протестуя против жестокого обращения и произвольного перевода в тюрьму, расположенную еще дальше от места

пытках и жестоким обращении в течение почти двух лет, предшествовавших суду, не были расследованы» (A/HRC/27/48/Add.5, п. 68).

⁴ По мнению Кассационного суда, не было продемонстрировано наличие всех признаков преступления.

⁵ Тем временем законодательство изменилось, и преступные деяния, ставшие предметом судебного разбирательства, перестали относиться к юрисдикции военного правосудия.

⁶ С одной стороны, эта просьба была отклонена прокуратурой, которая не начала расследование в нарушение положений Уголовного кодекса. С другой стороны, суд решил включить вопрос о недействительности протокола, имеющий важное значение, в рассмотрение дела по существу, о чем свидетельствует вынесенное решение. Это позволило обсуждать протоколы в течение шести месяцев судебного разбирательства, о чем свидетельствует приговор суда, и решение, касающееся их действительности, несмотря на ходатайство о признании их недействительными, было принято только в конце разбирательства одновременно с вынесением приговора.

⁷ Шестнадцать заключенных согласились пройти назначенные судом медицинские освидетельствования. Остальные пять человек отказались от осмотра врачами, не изучавшими положения Стамбульского протокола.

проживания их семей, а также против отказа во врачебной помощи и одежде. В ноябре 2017 года заявитель возобновил протест, требуя вернуть ему вещи, конфискованные при переводе в другую тюрьму, а также протестуя против одиночного содержания и угроз со стороны охранников. Заявитель начал очередную голодовку 9 марта 2018 года и продолжал ее в течение четырнадцати дней, протестуя, в частности, против жестокого обращения, которому он подвергался, и отсутствия медицинской помощи. Начальник тюрьмы угрожал ему и двум другим обвиняемым по тому же делу убийством. Его поместили в очень узкую одиночную камеру, похожую на гроб, без окон и кровати. Кроме того, администрация тюрьмы не обеспечивала его питьевой водой.

2.21 Заявитель прекратил голодовку 22 марта 2018 года, после того как ему пообещали перевод в тюрьму Буизакарне, медицинскую помощь и расширенные права на посещение, включая право на регулярные телефонные звонки семье. Однако администрация тюрьмы не выполнила свои обязательства, в частности в отношении посещения врача. 3 мая 2018 года заявителю заменили лекарственные препараты. Однако состояние его здоровья оставляло желать лучшего, и новые лекарства не привели к улучшению его положения. В июле 2018 года его одиночное заключение продолжалось, а его права на посещение не соблюдались.

2.22 В августе 2018 года семья заявителя обратилась в Главное управление исправительных учреждений и реинтеграции с просьбой перевести его в ближайшую тюрьму, либо в Буизакарне, либо в Смару. 16 августа 2018 года Королевскому прокурору в обладающий территориальной юрисдикцией суд Инезгана была направлена жалоба, с тем чтобы защитить семью заявителя от дальнейших преследований, которым она подвергалась при каждом посещении, и чтобы им больше не отказывали в праве посещения. 11 сентября 2018 года супруга заявителя обратилась в Главное управление исправительных учреждений и реинтеграции и в Королевскую прокуратуру с просьбой начать расследование в связи с жестоким обращением, которому заявитель подвергся со стороны сотрудников тюрьмы.

2.23 В октябре 2018 года заявитель тяжело заболел, в течение двадцати дней страдая от сильной тошноты и рвоты и ослабев настолько, что не мог стоять. В декабре 2018 года, несмотря на ухудшение состояния здоровья заявителя, ни один врач не пришел ему на помощь. Семья заявителя посещала его нерегулярно и редко, учитывая географическую удаленность и произвольный отказ в некоторых посещениях. В июле 2019 года администрация тюрьмы продолжала отказывать заявителю в доступе к врачу, и он продолжал страдать от длительной изоляции. В декабре 2019 года он, как и другие задержанные, оказавшиеся вместе с ним в тюрьме Айт-Меллул 2, в течение более одного месяца были лишены возможности позвонить семье. Ввиду длительного воздействия на и без того слабое здоровье заявителя и в отсутствие какого-либо ответа на жалобы на жестокое обращение, поданные его женой, его адвокат направил жалобу на жестокое обращение, совершенное умышленно государственным служащим, которая была получена 25 февраля 2020 года Королевским прокурором в суде Инезгана. Однако никаких действий за этим не последовало.

Жалоба

3.1 Физическое насилие, которому заявитель подвергался во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение, которому его подвергли с целью получения признательных показаний во время его перевозки самолетом, представляют собой акты пыток в соответствии со статьей 1 Конвенции. Заявитель также жаловался на то, что ему не была оказана медицинская помощь и что он был помещен в одиночную камеру на срок, превышающий пятнадцать дней, не будучи информированным о причинах этой меры и не имея права на посещения врача в периоды одиночного заключения. Акты и обращение, которым он подвергался, представляют собой по меньшей мере жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание в соответствии со статьей 16. Кроме того, бездействие марокканских властей, не принимающих мер по созданию эффективной системы предупреждения пыток, является нарушением статьи 2 Конвенции.

3.2 В соответствии со статьей 11 Конвенции государство-участник должно систематически рассматривать условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, чего в данном случае сделано не было. Международные органы и организации в своих докладах осуждают условия содержания под стражей, ссылаясь на недоедание, жестокое обращение, злоупотребления и отсутствие эффективного механизма подачи жалоб для заключенных в Марокко.

3.3 Заявитель напоминает, что 12 ноября 2010 года он был доставлен с видимыми следами пыток к военному следственному судье, которого заявитель просил зафиксировать наличие на его теле отчетливых следов пыток. Однако судья ответил отказом, не зафиксировал факты в протоколе и не начал немедленное расследование. Кроме того, военный суд не принял во внимание заявления о применении пыток при вынесении приговора. Решение Кассационного суда никоим образом не изменило эту ситуацию, и заявитель по-прежнему содержится под стражей исключительно на основании его признательных показаний, подписанных под принуждением. Апелляционный суд Рабата даже не потребовал начать расследование, несмотря на то, что заявитель неоднократно указывал на то, что он подвергался пыткам. Это свидетельствует о том, что государство-участник не выполнило свои обязательства, вытекающие из статей 12 и 13 Конвенции.

3.4 Несмотря на следы физического насилия и заявления, сделанные заявителем перед следственным судьей военного суда, последний не принял во внимание его утверждения, проигнорировал имеющиеся у него телесные повреждения и не потребовал проведения медицинского освидетельствования. Заявитель также утверждает, что медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом Рабата, не были беспристрастными и что в любом случае они не были проведены в рамках расследования утверждений о применении пыток. Военный суд также не принял во внимание утверждения заявителя о пытках. Отсутствие по сей день расследования не позволяет заявителю воспользоваться мерами реабилитации, компенсации, ухода и гарантий неповторения преступления в нарушение статьи 14 Конвенции.

3.5 Наконец, заявитель неизменно сообщал национальным властям, что его осуждение основывалось исключительно на предполагаемых признательных показаниях, хотя он утверждает, что ни в чем не признавался, а был вынужден под пытками, будучи в наручниках и с завязанными глазами, оставить свои отпечатки пальцев в качестве подписи на документе, содержание которого было ему неизвестно. Марокканские власти никогда не проводили расследования для проверки достоверности его заявлений. Хотя заявитель через своих адвокатов оспаривал доказательственную силу признательных показаний, подписанных под пытками, на различных этапах возбужденного против него разбирательства, Апелляционный суд Рабата утвердил эти протоколы без проведения расследования. Не проведя никакой проверки и используя указанные заявления в ходе судебного разбирательства в отношении заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

3.6 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то с момента событий и представления первых утверждений о применении пыток прошло почти девять лет, при этом никакого расследования начато не было. Отмена решения военного суда и новое решение Апелляционного суда Рабата ничего не изменили. До сих пор не создано независимого механизма для рассмотрения жалоб заключенных на жестокое обращение во время их содержания под стражей.

3.7 Комитет уже отметил в деле *Асфари против Марокко*⁸, которое касалось одного из тех, кому были предъявлены обвинения вместе с заявителем, что г-н Асфари заявлял в различных судебных инстанциях Марокко об актах пыток, которым он неоднократно подвергался, однако никакого расследования так и не было проведено и военный суд

⁸ CAT/C/59/D/606/2014.

не принял во внимание утверждения о применении пыток. Комитет также отметил, что Марокко превысило разумный срок для отправления правосудия, не проводя более шести лет расследования предполагаемых актов пыток.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 17 сентября 2020 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты.

4.2 Государство-участник поясняет, что лица, арестованные в ходе ликвидации лагеря Гдейм Изик, были арестованы за участие в преступных действиях, приведших к гибели 11 безоружных сотрудников правоохранительных органов. За ходом судебного разбирательства следили представители гражданского общества, а также национальные и международные наблюдатели и журналисты, присутствовавшие на заседаниях. Решение военного суда было отменено, и дело было передано в гражданский суд, в данном случае в Апелляционный суд Рабата, который оставил в силе приговор заявителя к пожизненному заключению. Это решение стало предметом новой кассационной жалобы заявителя, поданной 29 сентября 2017 года. Поэтому государство-участник считает, что внутренние средства правовой защиты еще не исчерпаны, в частности в связи с тем, что судебное разбирательство все еще продолжается.

4.3 Государство-участник отвергает любое утверждение о том, что обращение в Кассационный суд не может считаться эффективным и действенным средством правовой защиты, ссылаясь на тот факт, что в деле заявителя 27 июля 2016 года Кассационный суд отменил решение военного суда и вернул дело в Апелляционный суд Рабата. Кроме того, Кассационный суд уполномочен поднимать все вопросы, связанные с нарушением внутреннего законодательства или нарушением процессуальных норм, которое нанесло ущерб стороне. Поэтому в данном случае он уполномочен оценивать весомость признаний, предположительно полученных под пытками, и методы проведения судебно-медицинской экспертизы.

4.4 В отношении просьбы о принятии временных мер государство-участник отмечает, что заявитель находится в тюрьме Айт-Меллул 2 с 16 сентября 2017 года и содержится в соответствии с положениями Закона № 23-98 об организации и функционировании пенитенциарных учреждений. Заявитель никогда не содержался в карцере. Он содержится в индивидуальной камере, которая отвечает всем международным стандартам по площади, естественному освещению, вентиляции и санитарным условиям. Вопреки утверждениям его адвоката, заявителю разрешены ежедневные прогулки продолжительностью один час утром и один час после обеда в присутствии других заключенных, в частности, осужденных по тому же делу, что и он, и он всегда получает все необходимые медицинские консультации и находится под надлежащим и регулярным медицинским наблюдением. Во время своего заключения в тюрьмах Сале 2, Сале 1 и Эль-Аржат истец получил 82 внутренних консультации⁹ и 5 специализированных внешних консультаций в больнице. В тюрьме Айт-Меллул 2 он получил 73 консультации врачей общей практики и 2 внешние консультации специалистов. В настоящее время состояние его здоровья в целом является хорошим.

4.5 Более того, вопреки утверждениям его адвоката, заявитель никогда не был лишен телефона и общается со своей семьей, которой всегда разрешалось его посещать. В тюрьме Айт-Меллул 2 его навестили 49 раз, причем средняя продолжительность свиданий составляла три часа. Представители Национального совета по правам человека и заместитель прокурора суда первой инстанции Инезгана также встретились с ним 16 октября 2017 года и 15 октября 2019 года соответственно.

4.6 29 декабря 2020 года государство-участник повторило свое возражение против неприемлемости сообщения и представило свои замечания по существу. Оно выражает сожаление по поводу того, что настоящая жалоба, шестая по счету,

⁹ 21 мая 2021 года государство-участник обновило список внутренних консультаций, увеличив их число до 92.

поданная в Комитет в связи со сносом лагеря Гдейм Изик, очень похожа на другие жалобы в том, что под предлогом многочисленных утверждений о нарушении прав человека заявитель пытается выдвинуть чисто политические претензии, не охватываемые мандатом Комитета.

4.7 Что касается фактов, государство-участник считает неприемлемым считать, как это следует из жалобы, что силы охраны правопорядка «напали» на лагерь Гдейм Изик. Десятки людей напали на машину скорой помощи, убив камнями сотрудника гражданской обороны, а затем атаковали блокпост Королевской жандармерии, где убили жандарма. Один из нападавших был снят на видео, когда он мочился на труп. Прибыв в Эль-Аюн, нападавшие совершили еще один акт варварства — хладнокровно перерезали горло сотруднику вспомогательных сил.

4.8 Государство-участник заявляет, что во время операции по сносу лагеря и эвакуации находившихся в нем людей 8 ноября 2010 года заявитель, как и другие лица, отказался подчиниться приказам сотрудников сил охраны правопорядка и намеренно въехал на своем автомобиле в сотрудников правоохранительных органов, в результате чего один из них погиб, скончавшись от полученных травм на месте, а другие получили серьезные увечья. Он был тут же арестован сотрудниками Королевской жандармерии на месте преступления, в своем автомобиле, который застрял в грязи, будучи абсолютно вменяемым. Эти зверские преступления были подтверждены в Апелляционном суде очевидцами, в том числе тремя ранеными сотрудниками правоохранительных органов, которые узнали в заявителе одного из нападавших.

4.9 Ввиду его непосредственного присутствия на месте событий и серьезности обвинений, заявитель был заключен под стражу в тот же день, 8 ноября 2010 года в 20 ч 00 мин, Королевской жандармерией Эль-Аюна под надзором Королевского прокурора Апелляционного суда до 18 ч 00 мин 11 ноября 2010 года, после продления срока задержания на 24 часа компетентной прокуратурой в соответствии со статьей 80 Уголовно-процессуального кодекса¹⁰.

4.10 Вопреки своим утверждениям, на допросе 8 ноября 2010 года заявитель добровольно и самопроизвольно признал обвинения. В конце допроса он сам прочитал свои показания, сохранив их в неизменном виде без каких-либо дополнений, изъятий или изменений, написал свое имя и фамилию и расписался в учетном журнале. Его отпечатки пальцев были внесены в реестр задержанных. По окончании срока задержания, в 18 ч 00 мин 11 ноября 2010 года, уголовная бригада Королевской жандармерии в Эль-Аюне доставила заявителя к королевскому прокурору в Апелляционном суде того же города, который, изучив материалы дела и приняв во внимание характер совершенных деяний, заявил об отсутствии у него необходимой юрисдикции и постановил передать дело в Военный суд Рабата. Государство-участник напоминает, что судебное разбирательство было проведено в соответствии с международными стандартами справедливого судебного разбирательства.

4.11 Что касается существа сообщения, государство-участник напоминает, что после заявлений о пытках и жестоком обращении, сделанных в Апелляционном суде Рабата, суд постановил провести медицинское освидетельствование. Суд назначил трехстороннюю комиссию под председательством профессора судебной медицины, в состав которой вошли врач-специалист по травматологии и ортопедии, а также психиатр и эксперт по правовым вопросам при Апелляционном суде Рабата. Таким образом, государство-участник отвергает утверждения о том, что проведение судебно-медицинской экспертизы было поручено трем судебным медикам, не знакомым с требованиями Стамбульского протокола и не способным гарантировать независимую экспертизу. Экспертиза показала, что симптомы заявителя не были результатом пыток или жестокого обращения, как он утверждал. Таким образом, было установлено, что выдвинутые обвинения в применении пыток были необоснованными.

4.12 Государство-участник отмечает утверждение заявителя о том, что приговоры основываются исключительно на признаниях обвиняемых, хотя заявитель был пойман

¹⁰ Государство-участник прилагает копию протокола задержания, составленного уголовной бригадой Королевской жандармерии в Эль-Аюне 8 ноября 2010 года.

с личным на месте преступления силами охраны правопорядка, и указывает, что Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает — в отношении доказательной силы признаний — что протоколы, составленные сотрудниками судебной полиции в контексте уголовных преступлений, представляют собой просто информацию, подлежащую суверенной оценке судьи.

4.13 Что касается условий содержания заявителя под стражей, государство-участник повторяет информацию, уже предоставленную Комитету. Оно поясняет, что перевод заявителя в тюрьму Айт-Меллул 2 после вынесения окончательного приговора был осуществлен в рамках проводимой руководством пенитенциарной системы политики приближения места отбытия наказания к месту жительства семьи осужденного.

4.14 Наконец, государство-участник оспаривает ложное утверждение о том, что жалобам заявителя не дается хода. Во-первых, после расследования жалобы жены заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников тюрьмы, поданной 11 сентября 2018 года, прокурор суда первой инстанции Инезгана закрыл дело из-за отсутствия доказательств. Во-вторых, в ответ на жалобу о жестоком обращении, направленную 12 сентября 2018 года в Главное управление исправительных учреждений и реинтеграции, жена заявителя получила 13 ноября 2018 года ответ, опровергающий все утверждения. В-третьих, в жалобе от 13 февраля 2020 года, поданной адвокатом заявителя Королевскому прокурору в суде первой инстанции Агадира, утверждалось, что заявитель и другие заключенные подвергались жестокому обращению со стороны сотрудников тюрьмы и что им разрешалось покидать свои индивидуальные камеры лишь на один час в день. 6 марта 2020 года директор тюрьмы Айт-Меллул 2 дал ответ, опровергающий все обвинения, и дело было закрыто из-за отсутствия доказательств.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях от 29 июля 2021 года заявитель отмечает, что государство-участник продолжает попытки переложить на других бремя доказывания. Суды и прокуратура не выполнили обязанность автоматически начать расследование, хотя имелись разумные основания полагать, что его признательные показания были получены в результате применения пыток и жестокого обращения, или немедленно назначить независимую медицинскую экспертизу.

5.2 Замечания государства-участника по существу не содержат никаких доказательств того, что требования статей 1, 2 и 11–16 Конвенции были соблюдены. Государство-участник не указывает, что в период совершения обжалуемых действий заявителя посещал хоть кто-то из врачей, что он получал оперативную и независимую юридическую и медицинскую помощь, или что он смог немедленно связаться со своей семьей. В отсутствие информации от государства-участника, опровергающей эти утверждения, следует считать, что государство-участник не выполнило свои обязательства по пункту 1 статьи 2 и статье 11 Конвенции.

5.3 Несмотря на то, что 12 ноября 2010 года заявитель предстал перед военным следственным судьей с видимыми следами пыток, государство-участник не продемонстрировало, что следственный судья принял во внимание утверждения заявителя о пытках и нанесенных ему травмах, потребовал проведения расследования или, по крайней мере, медицинского освидетельствования, несмотря на то что это насилие причинило заявителю острые страдания. Власти не выполнили свое обязательство провести расследование, которое лежит на государстве-участнике в соответствии со статьей 12 Конвенции. Не выполнив это обязательство, государство-участник также не выполнило свою обязанность гарантировать заявителю право на подачу жалобы в соответствии со статьей 13.

5.4 Показания заявителя, которые, как установлено, были получены под пытками, были использованы в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства. Из решения Апелляционного суда следует, что признательные показания заявителя стали решающим фактором при вынесении ему обвинительного приговора несмотря на то, что государство-участник не выполнило свое обязательство по проведению быстрого и беспристрастного расследования утверждений о пытках. Апелляционный

суд не принял серьезным образом во внимание утверждения о пытках при вынесении обвинительного приговора заявителю на основании его признательных показаний, отрицая даже то, что сами эти утверждения были сформулированы в ходе судебного разбирательства.

5.5 Кроме того, уже было установлено, что медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом, не были беспристрастными и что в любом случае они не были проведены в рамках расследования по факту применения пыток. Исходя из этого следует считать, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

5.6 Заявитель повторяет, что его нынешняя ситуация остается такой, как описано в его первоначальном сообщении, и что, несмотря на многочисленные призывы некоторых неправительственных организаций, условия его содержания под стражей представляют собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Государство-участник не представило никаких документов, подтверждающих, что все жалобы были рассмотрены.

5.7 8 апреля 2022 года адвокат заявителя пояснил, что он был переведен в тюрьму Смары, при этом адвокат не располагал никакой дополнительной информацией, позволяющей говорить об улучшении условий его содержания. Состояние его здоровья по-прежнему вызывает беспокойство.

Обсуждение в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

6.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты, поскольку ее рассмотрение в кассационной инстанции еще не завершено. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник первоначально указало, что жалоба в Кассационный суд, поданная заявителем и другими обвиняемыми по этому же делу 29 сентября 2017 года, еще находилась на рассмотрении и что, следовательно, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В то же время он принимает к сведению информацию о том, что 25 ноября 2020 года Кассационный суд по итогам рассмотрения отклонил жалобу, поданную заявителем. Комитет заключает, что возражение государства-участника о неприемлемости жалобы утратило актуальность, поскольку решение по жалобе в Кассационный суд уже принято, и поэтому Комитет больше не должен решать вопрос об эффективности этого средства правовой защиты в данном деле¹¹.

6.3 В свете пункта 4 статьи 22 Конвенции и правила 111 своих правил процедуры Комитет не находит никаких дополнительных препятствий для признания сообщения приемлемым и переходит к его рассмотрению по существу в соответствии с пунктом 1 статьи 2 и статьями 11–15, рассматриваемыми в совокупности со статьей 1 Конвенции, а также статьей 16 Конвенции.

Рассмотрение сообщения по существу

7.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

¹¹ *Лаарусси против Марокко (CAT/C/74/D/891/2018)*, п. 7.3.

7.2 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что нанесение ему телесных повреждений во время задержания, переводов из одного места содержания под стражей в другое и допроса в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение в ходе этапирования самолетом представляют собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции. Он отмечает также, что 12 ноября 2010 года заявитель был доставлен к следственному судье военного суда с видимыми следами пыток, о которых он прямо заявил в тот же день, а затем в военном суде, который 15 февраля 2013 года отклонил ходатайство о проведении расследования по этим заявлениям о пытках. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что его неоднократно насиловали и жестоко избивали, а также о том, что он был лишен возможности лечить свои травмы, спать, пить, есть и ходить в туалет. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность оперативно получать независимую юридическую и медицинскую помощь и вступать в контакт с родственниками в целях предупреждения пыток¹². Комитет также отмечает, что заявитель неоднократно помещался в одиночный карцер, и напоминает о своей позиции по этому вопросу, а именно: такое заключение может представлять собой вид пытки или жестокого обращения и должно использоваться в качестве крайней меры в исключительных обстоятельствах в течение как можно более короткого времени под строгим контролем и с возможностью судебного пересмотра¹³. Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий во время досудебного содержания под стражей и заключения в одиночном карцере, и в отсутствие убедительной информации от государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что физическое насилие и травмы, которые заявитель получил во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции¹⁴.

7.3 Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что акты и обращение, которым он подвергался, если не рассматривать их как акты пытки, представляют собой жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание в соответствии со статьей 16 Конвенции. Комитет считает, что эти утверждения относятся к фактам, которые также представляют собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции. Следовательно, Комитет не считает необходимым отдельно рассматривать жалобы по статье 16¹⁵.

7.4 Заявитель также ссылается на пункт 1 статьи 2 Конвенции, в соответствии с которым государство-участник должно было принять законодательные, административные, судебные и другие эффективные меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил свою озабоченность по поводу событий в Западной Сахаре и утверждений, в частности, о пытках, жестоком обращении и получении признательных показаний под пытками¹⁶, и обратился к государству-участнику с настоятельным призывом безотлагательно принять конкретные меры для предупреждения любых актов пыток и жестокого обращения и проводить такую политику, которая давала бы осязаемые результаты в плане достижения цели полного искоренения практики применения пыток и жестокого обращения должностными лицами государства. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения заявителя об обращении с ним со стороны должностных лиц государства, когда он находился под стражей в полиции, не имея возможности связаться со своими родственниками или получить доступ к адвокату или беспрепятственный доступ к врачу. Государственные власти не приняли никаких мер для расследования актов пытки, которым подвергся заявитель, и, при необходимости, наказания за них,

¹² Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007).

¹³ CAT/C/51/4, п. 32.

¹⁴ *Асфари против Марокко*, п. 13.2; и *Аббахах против Марокко* (CAT/C/72/D/871/2018), п. 11.2.

¹⁵ *Рамирес Мартинес и др. против Мексики* (CAT/C/55/D/500/2012), п. 17.4; и *Аббахах против Марокко*, п. 11.3.

¹⁶ CAT/C/MAR/CO/4, п. 12. См. также CCPR/C/MAR/CO/6, пп. 23 и 24.

несмотря на видимые следы пыток, которые он демонстрировал, и жалобы, которые он подавал в связи с этим следственному судье и военному суду. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что был нарушен пункт 1 статьи 2, рассматриваемый совместно со статьей 1 Конвенции¹⁷.

7.5 Комитет также принимает к сведению утверждение заявителя о том, что была нарушена статья 11 Конвенции, в соответствии с которой государство-участник должно систематически рассматривать условия содержания под стражей и обращения с лицами, подвергнутыми любой форме ареста, задержания или тюремного заключения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией, чтобы не допускать случаев пыток. Заявитель, в частности, утверждает, что: а) несмотря на ухудшение состояния его здоровья, он не получал надлежащую помощь врача по своему выбору; б) он содержался под стражей в условиях недоедания и подвергался жестокому обращению и издевательствам со стороны тюремной администрации; и с) он не имел доступа к эффективным средствам правовой защиты, чтобы оспорить жестокое обращение. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил сожаление в связи с отсутствием информации о соблюдении на практике основных гарантий, например гарантий осмотра независимым врачом и уведомления членов семьи¹⁸. В данном деле государство-участник предоставило информацию об условиях содержания заявителя под стражей и его жалобах на жестокое обращение в заключении только за период после его перевода в сентябре 2017 года в местную тюрьму Айт-Меллул 2, в то время как он находился под стражей с ноября 2010 года. В отсутствие какой-либо соответствующей информации об обратном со стороны государства-участника и в отсутствие каких-либо доказательств эффективного рассмотрения жалоб заявителя и условий его содержания до перевода в тюрьму Айт-Меллул 2, наличия фактов этих ужасающих условий и жестокого обращения достаточно для установления того, что государство-участник не осуществляло систематического надзора за содержанием под стражей и обращением с лицами, арестованными, задержанными или заключенными в тюрьму каким бы то ни было способом на любой территории под его юрисдикцией, с целью избежать любых случаев пыток, и что это несоблюдение привело к причинению вреда заявителю. Соответственно, Комитет приходит к выводу о нарушении статьи 11 Конвенции¹⁹.

7.6 В качестве следующего шага Комитет должен установить, является ли непроведение расследования в связи с утверждениями о пытках, представленных заявителем в судебные органы, нарушением государством-участником своих обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что: а) 12 ноября 2010 года он был доставлен с видимыми следами пыток к следственному судье военного суда, который не зафиксировал эти факты в протоколе; б) затем он прямо заявил о применении к нему пыток в военном суде в присутствии прокурора; и с) ни прокурор, ни судья так и не инициировали расследование. Комитет далее принимает к сведению, что, согласно предоставленной ему информации, кассационная жалоба заявителя была отклонена Кассационным судом 25 ноября 2020 года. Он принимает к сведению также то, что после передачи дела в Апелляционный суд Рабата и в связи с утверждениями заявителя и обвиняемых по этому же делу лиц о пытках было проведено медицинское освидетельствование заявителя, назначенное судом. В этой связи он принимает к сведению утверждения заявителя о том, что медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом, не были проведены беспристрастно и в рамках расследования по факту применения пыток в соответствии со Стамбульским протоколом. Комитет вновь заявляет, что, отмечая утверждение государства-участника о беспристрастности, компетентности и профессионализме экспертов, проводивших медицинскую экспертизу, он считает, что государство-участник не предоставило соответствующих объяснений в

¹⁷ См., например, *Ндарисигаранье против Бурунди* (CAT/C/62/D/493/2012 и CAT/C/62/D/493/2012/Corr.1), п. 8.3; и *Е.Н. против Бурунди* (CAT/C/56/D/578/2013), п. 7.5.

¹⁸ CAT/C/MAR/CO/4, п. 7.

¹⁹ *М.Д. против Бурунди* (CAT/C/73/D/921/2019), п. 6.5.

подтверждение того, что указанная экспертиза была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом²⁰.

7.7 Комитет также отмечает, что следственный судья военного суда не потребовал проведения медицинского освидетельствования, хотя на теле заявителя имелись явные следы физического насилия, и что никакого расследования в этой связи проведено не было. Кроме того, военный суд не принял во внимание утверждения заявителя о фактах применения пыток при вынесении решения ему обвинительного приговора, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были сделаны в ходе разбирательства. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник вышло далеко за рамки разумных сроков отправления правосудия в деле заявителя и что спустя 12 лет после событий и первых заявлений о пытках расследования в соответствии со Стамбульским протоколом проведено не было. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки²¹.

7.8 В этих обстоятельствах государство-участник также пренебрегло своим обязательством по статье 13 Конвенции обеспечить заявителю право на подачу жалобы, которое предполагает, что власти примут в связи с этой жалобой адекватные меры путем проведения оперативного и беспристрастного расследования²². Комитет отмечает, что статья 13 Конвенции не требует формального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия явно выраженного желания возбуждать уголовный иск; одного лишь появления жертвы и доведения соответствующих фактов до сведения государственных властей представляется достаточно для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания жертвы добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции²³. Комитет приходит к выводу, что факты в данном деле также представляют собой нарушение статьи 13 Конвенции²⁴.

7.9 Что касается утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции, то Комитет напоминает, что это положение не только признает право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию, но и предусматривает обязательство государств-участников обеспечивать получение ей возмещения всего нанесенного ей вреда. Это возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного ущерба и включает реституцию, компенсацию, а также меры, гарантирующие невозможность повторения нарушений, с обязательным учетом обстоятельств каждого дела²⁵. В данном деле Комитет отмечает, что, как утверждает заявитель, он страдает от физических и психологических последствий насилия, которому он подвергся. Тот факт, что следственный судья военного суда не распорядился провести расследование утверждений о пытках и что медицинская экспертиза, назначенная апелляционной инстанцией, не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом и в рамках расследования предполагаемых актов пыток, не позволил заявителю воспользоваться мерами реабилитации, компенсации, ухода и гарантиями недопущения повторного совершения преступления. Поэтому Комитет считает, что отсутствие быстрого и беспристрастного расследования лишило заявителя

²⁰ *Лаарусси против Марокко*, п. 8.6.

²¹ *Асфари против Марокко*, п. 13.4; и *Аббахах против Марокко*, п. 11.7.

²² *Бендиб против Алжира* (CAT/C/51/D/376/2009), п. 6.6.

²³ *Паро против Испании* (CAT/C/14/D/6/1990), п. 10.4; *Бланко Абад против Испании* (CAT/C/20/D/59/1996), п. 8.6; и *Лтаиеф против Туниса* (CAT/C/31/D/189/2001), п. 10.6.

²⁴ *Аббахах против Марокко*, п. 11.8; и *Лаарусси против Марокко*, п. 8.8.

²⁵ *Бендиб против Алжира*, п. 6.7.

возможности воспользоваться своим правом на возмещение в нарушение статьи 14 Конвенции²⁶.

7.10 Заявитель также утверждает, что были нарушены его права по статье 15 Конвенции, поскольку он был осужден на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Он утверждает, что ни в чем не признавался, а был вынужден, будучи в наручниках и с завязанными глазами, подписать документ, содержание которого было ему неизвестно. Комитет напоминает, что общий смысл положений статьи 15 вытекает из абсолютного характера запрещения пыток и, следовательно, предполагает обязательство любого государства-участника проверять, не были ли заявления, которые используются в ходе разбирательства, находящегося в его компетенции, получены с помощью пыток²⁷. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что подписанные им в результате пыток показания стали основанием для предъявления ему обвинений и для его осуждения и что он безуспешно оспаривал доказательную силу подписанных под пытками признательных показаний на различных этапах судебного разбирательства по возбужденному в его отношении делу. Комитет также отмечает, что Апелляционный суд не уделил должного внимания утверждениям о пытках при вынесении обвинительного приговора заявителю на основании его признательных показаний. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Никак не проверив содержание утверждений заявителя, кроме проведения медицинской экспертизы, назначенной Апелляционным судом, которая не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом, и использовав данные показания в ходе судебного рассмотрения дела заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко²⁸ он выразил обеспокоенность тем, что в соответствии со сложившейся в государстве-участнике следственной практикой признательные показания часто рассматриваются как доказательства, на основании которых лицо может быть привлечено к ответственности и осуждено, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым²⁹.

7.11 Наконец, Комитет отмечает системный характер этих дел, касающихся событий 8 ноября 2010 года в лагере Гдейм Изик³⁰.

8. Комитет, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, приходит к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 2 и статей 11, 12, 13, 14 и 15, рассматриваемых в совокупности со статьей 1 Конвенции.

9. Комитет обращается к государству-участнику с настоятельным призывом: а) начать беспристрастное и углубленное расследование данных событий, как это предусмотрено статьями 12 и 13 Конвенции и в полном соответствии с руководящими принципами Стамбульского протокола с целью привлечения к ответственности лиц, которые могут нести ответственность за обращение с заявителем; б) выплатить заявителю и его семье адекватную и справедливую компенсацию, в том числе предоставить средства, необходимые для максимально полной реабилитации; в) воздерживаться от любых актов давления, запугивания или репрессий, которые могут нанести ущерб физической и моральной неприкосновенности заявителя, поскольку в противном случае это будет представлять собой нарушение обязательств государства-участника по Конвенции добросовестно сотрудничать с Комитетом в осуществлении положений Конвенции; и d) разрешить заявителю посещение в тюрьме

²⁶ *Нийонзима против Бурунди (CAT/C/53/D/514/2012)*, п. 8.6; *Асфари против Марокко*, п. 13.6; *Аббахах против Марокко*, п. 11.9; и *Лаарусси против Марокко*, п. 8.9.

²⁷ *П.Э. против Франции (CAT/C/29/D/193/2001)*, п. 6.3; и *Ктити против Марокко (CAT/C/46/D/419/2010)*, п. 8.8.

²⁸ *CAT/C/MAR/CO/4*, п. 17.

²⁹ *Асфари против Марокко*, п. 13.8.

³⁰ См. *Н'Дур против Марокко (CAT/C/72/D/650/2015)*, *Асфари против Марокко*, *Аббахах против Марокко* и *Лаарусси против Марокко*.

врачом по его выбору, а также получать соответствующее лечение. Государство-участник также обязано принять конкретные превентивные меры для обеспечения того, чтобы подобные нарушения не повторялись.

10. В соответствии с пунктом 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения о мерах, принятых им в связи с приведенными выше замечаниями.
